

В. В. Огарков

Алексей Кольцов

**Его жизнь и литературная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В. В. Огарков
В11 Алексей Кольцов: Его жизнь и литературная деятельность / В. В. Огарков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-3201-8

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-3201-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. В. Огарков, 2021

Василий Васильевич Огарков
Алексей Кольцов. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк В. В. Осаркова
С портретом А. В. Кольцова, гравированным в Лейпциге Геданом*

Предисловие

Прошло уже полвека со дня смерти Кольцова, между тем до сих пор еще многие факты его биографии остаются неясными, а многие рассказы о его жизни и отношениях с окружающими, считавшиеся прежде достоверными, оказываются не совсем согласными с действительностью.

Одним из самых ценных документов для ознакомления с жизнью поэта является известная его биография, написанная Белинским. Знаменитый критик не пожалел ярких красок в изображении трагического положения своего друга среди окружавшей его «грубой и невежественной» обстановки. Но эта блестящая статья, заключая много тонких психологических штрихов и справедливых мыслей и представляя верную оценку поэтического таланта поэта-прасола,¹ порою слишком идеализирует его как человека и в гиперболически мрачном свете выставляет нравственные качества людей, его окружавших. Согласно известному изречению: «Человеку не чуждо ничто человеческое», трудно ожидать, чтобы и у Кольцова не было недостатков, привитых окружавшею его средою, хотя это несколько не умаляет его огромных достоинств. Между тем в горячей статье Белинского дело представлено так, что Кольцов – яркий, чудный цветок, а кругом него сплошь отвратительное, грязное и топкое болото. Понятно, что такая картина в целом кажется не совсем правдоподобною и ее резкие штрихи должны быть, при изучении дела, значительно смягчены.

Очень мало имеется достоверных данных относительно последних полутора или двух лет жизни поэта, а между тем это время преждевременного и горького угасания сильного таланта является очень интересным периодом в биографии Кольцова. Да и вообще желательно было бы большее количество данных обо всей жизни поэта. Недостаток биографических материалов о нем объясняется как самим характером Кольцова, так и окружавшею его обстановкой. Скромный прасол не был ни видным общественным деятелем, ни титулованным лицом, ни слишком ярким, импозантным человеком, да и сама роль его в литературе тогда не казалась настолько значительной, чтобы современники и друзья считали нужным отмечать и запоминать факты жизни поэта. Необразованная семья, где родился и провел жизнь Кольцов, понятно, не могла да и не всегда имела время наблюдать поэта в детские и отроческие годы и отмечать влияние тех или других факторов на формирование его характера и таланта. Сам Кольцов, как известно, не писал ни дневника, ни воспоминаний и не вел записок. При его сдержанном и скрытном характере он мало и рассказывал о себе. Правда, в последние годы жизни поэт вел большую переписку, но многие его письма еще не обнародованы и даже неудобны для этого, по рассказам знакомых с ними лиц, вследствие своего слишком интимного содержания. А письма, писанные к самому Кольцову, как и все его бумаги, в которых могло сохраниться много ценных биографических указаний, проданы были после смерти поэта его отцом как никуда не годный материал на рынок, «на завертку». И только совершенно случайно самая малая часть из проданного попала впоследствии в руки людей понимающих. Таким образом, для биографии поэта-прасола, кроме написанных им стихотворений, до сих пор еще главным материалом являются напечатанные рассказы и воспоминания его друзей и современников, устные рассказы старожилов Воронежа и

родных Кольцова, а также небольшое количество опубликованных в печати писем его. И конечно, в ряду статей, посвященных поэту, все-таки одною из самых драгоценных является вышеозначенная биография, написанная Белинским. Кольцов целые месяцы жил со знаменитым критиком и вел с ним обширную переписку; он был очень откровенен с Белинским, поверял ему многие самые интимные факты своей жизни. Статья напечатана критиком при издании стихотворений Кольцова в 1846 году, то есть четыре года спустя после смерти поэта, когда Белинский, конечно, не успел еще забыть сообщенных ему фактов. Повторяем, единственный недостаток упомянутой блестящей статьи тот, что в пылу горячности, вызванной печалью о погибшем поэте, в ней брошены сильные и не совсем справедливые обвинения в адрес родных и знакомых прасола.

Из позднейших же исследований о поэте самого большого внимания заслуживает книга покойного М. Ф. Де-Пуле «А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» (СПб., 1878). Автор, долго живший в Воронеже, собрал на месте насколько возможно полные данные о поэте. В книге, кроме того, сгруппировано почти все, появлявшееся в литературе о жизни Кольцова, а также приведено много выдержек из нигде не обнародованных писем поэта к А. А. Краевскому.

Мы при составлении очерка в значительной степени пользовались вышеупомянутою книгою Де-Пуле, не разделяя, однако, всех выводов автора. Кроме прочитанной нами литературы, относящейся до предмета предлагаемого очерка, мы во время жизни в Воронеже и при поездках в этот город старались разузнать и проверить многие данные, сообщавшиеся о поэте, хотя это и представляло трудности за слишком большою давностью событий.

Очень желательно, чтоб хотя бы к пятидесятилетию (19 октября 1892 года) со дня смерти Кольцова были опубликованы до сих пор еще не напечатанные письма его, а также воспоминания знавших его или слышавших о нем из достоверных источников. Это, может быть, помогло бы установить более подробно и точно факты последних двух лет его жизни и осветило бы уже известное новым светом.

Глава I. «Темное царство» и поэт

Трагическая роль избранников судьбы. – Кольцов – один из таких избранников. – Рождение Кольцова. – Роль Воронежа при царе-преобразователе. – Воронежское купечество. – Буржуазная «аристократия». – Ближайшие предки поэта. – Прасолы и шибай. – Отец и мать Кольцова. – Крепостные у мещан Кольцовых. – Няня поэта. – Детство его. – Обучение грамоте. – Страстная жажда чтения. – «Бова» и «Еруслан». – Роль сказок в возбуждении интереса к чтению. – Дружба с Варгиным. – Романы Лафонтена и Дюкре-дю-Мениля. – «Тысяча и одна ночь». – Попытки писательства. – Начало практической торговой деятельности. – Первые очарования природой. – Смерть товарища. – Стихотворения Дмитриева. – «Три видения». – Писание стихов. – Неблагоприятные условия для поэтической деятельности

Природа выявляет трагическое, забрасывая в душу человека, обреченного по своему общественному положению на беспросветную и тяжкую долю, искры божественного огня. Этим святым, но и опасным даром она как будто желает в известной степени вознаградить общественные группы, обделенные светом знания и изнывающие в тяжелой борьбе за существование, и, с другой стороны, – показать удивленному миру, какие богатства душевных и умственных сил таятся в тех слоях общества, для которых судьба была суровою мачехой. И пример божественных избранников, не только сохранивших искры святого огня, но и раздувших их в светящий миру факел, несмотря на условия жизни, постоянно мешавшие этому, – пример этот действительно показывает нам, какими могучими задатками обладают лишенные света знания и материального довольства общественные слои, какой непочатый еще родник поэзии, ума и нравственной энергии заключают они и какую могучую, живительную струей пролились бы эти силы, если бы история была вообще милостивее к людям.

Здесь не место приводить многие случаи, доказывающие богатство дарований «сынов народа», и мы ограничимся только двумя наиболее известными в русской истории примерами: Ломоносов, в одной своей особе, по выражению Пушкина, «вмещавший всю российскую академию и университет», и знаменитый патриарх Никон были крестьянские дети.

Алексей Васильевич Кольцов принадлежал к этим светлым и вместе с тем трагическим избранникам судьбы. Как ни проста его жизнь, как, по-видимому, ни будничны ее подробности, но она представляла порою жестокою драму. По выражению Гейне, с каждым человеком «родится и умирает целая вселенная». Это изречение еще более применимо к натурам избранным, поэтическим, обладающим чуткою отзывчивостью к радостям и страданиям. Немало пришлось страдать и Кольцову, немало он сделал тяжелых уступок обстоятельствам, немало и к нему пристало житейской грязи; но борьба не сломила вконец его души, он вынес из тумана жизни свой священный факел, и огонь его горит ясною, нетленною красотою в прекрасных и задушевных песнях.

Кольцов родился в 1808 году, 2 октября, в Воронеже. Отец его, Василий Петрович, был мещанин-прасол. Миром, среди которого увидел свет, провел

детство и молодые годы (до счастливых встреч с друзьями и образованными людьми) Кольцов, было то «темное царство» с его застывшим культом верований, привычек и подобоострастным отношением к капиталу, которое так губит всякое самостоятельное мышление и чувство. «Яйца курицу не учат», «с сильным не борись», «деды не глупее нас были, а грамоты и не знали» – вот некоторые из мудрых правил кодекса, обязательного в этой среде. Грубость, невежество и соединенное с ним суеверие – обыкновенные спутники жизни без света, без знания, без права критики вековых устоев «темного царства». Нужны очень счастливые способности в соединении с особой душевной стойкостью, чтобы выбраться из засасывающего болота подобной жизни и стать на твердую почву.

Но прежде чем перейти к детству Кольцова, мы должны сделать маленькую историческую и географическую экскурсию, чтоб лучше осветить положение поэта-прасола и его ближайших предков среди местного общества.

Воронеж, расположенный на высоком берегу реки того же названия, притоке Дона, – очень красивый город. Уже в далеком прошлом, когда воды реки были глубже, и когда Воронеж был одним из крупных пунктов редко населенной степной окраины, здесь кипела жизнь: царь-работник наметил этот город для своей кораблестроительной деятельности. Здесь строились и снаряжались суда для походов Петра I на Азов, основывались фабрики и заводы в то время, когда еще провинция спала глубоким сном. Это обстоятельство, а также заезды царя и долгое его пребывание в городе способствовали тому, что в Воронеже оказалось много прозелитов вводимой Петром «крестом и мечом» новой цивилизации. Образовалось немало купеческих фамилий, «аристократов» торгового сословия, давно уже усвоивших себе внешние атрибуты новых веяний: бритье бороды и немецкое платье. Но, разумеется, толчок, данный когда-то росту города деятельностью Петра, не мог выразиться только одним внешним образом: он необходимо расширил и умственные горизонты обывателей. И действительно, воронежское купечество отличалось, сравнительно с торговым сословием многих других губернских центров, своею интеллигентностью, так что наблюдатель, попавший в Воронеж хотя бы в первой четверти настоящего (XIX. – *Ред.*) столетия, был бы удивлен, встретив в небольшом еще тогда городе купцов, далеко не похожих на те лики «суздальского письма», представление о которых невольно возникало при знакомстве с тогдашнюю литературой и с представителями купеческого сословия в других местах. Многие воронежские купеческие «аристократические» роды измеряли свое прошлое промежутками времени в столетие и более, и из них действительно выходили замечательные люди как по образованию, так и по той чуткости ко всему доброму и прекрасному, которую они проявляли, например, по отношению к Кольцову или к воронежскому же уроженцу И. С. Никитину, страдальческая и искренняя муза которого, так глубоко трогающая душу, не получила еще до сих пор надлежащей оценки.

Кольцовы (отец, дед и прадед поэта) не принадлежали к этой купеческой аристократии, жившей главным образом в возвышенной («богатой» части Воронежа. Они были мелкими торгашами-прасолами и шибаями² и жили испокон века на одной из нижних, грязных и «плебейских» улиц города (Гусиновке).

Кто желает получше познакомиться со значением слов «прасол» и «шибай», тот пусть прочтет скорбную поэму Никитина «Кулак». Поразительно реально, со скорбью о погибающих людях-братьях, со слезами, брызжащими из-под каждой

строчки, описана в этой поэме гнусная, позорная и тяжелая жизнь кулака-шибая... В борьбе за существование, за жизнь впроголодь «шибай зубами, как зверь, готов рвать кусок хлеба у таких же обездоленных, как и он, бедняков – обманывает, обвешивает и клянется... Мы сами близко знаем эту жизнь и можем засвидетельствовать, что тяжелее и печальнее существования мелкого шибая или прасола (занятий, соединенных часто в одном лице) трудно себе что-нибудь представить... Шибай – это парии торгового класса... „Кошкодер“, „дохлятник“ – вот названия, которыми чествуют их и мужики, и торговцы, имеющие счастье принадлежать к более высокому коммерческому рангу...

Едва ли ближайшие предки Кольцова много отличались от Лукича (героя поэмы «Кулак») характером своей деятельности.

Несомненно, и им приходилось ездить по деревням или на городских базарах скупать сало, шерсть, кошек, собак и прочее, – обвешивать, обмеривать и клясться из-за грошей. Впоследствии только это мелкое шибайно-прасольское дело перешло в более крупное: в покупку и выкорм гуртов скота. Эти занятия, продолжавшиеся из поколения в поколение, выработали известный тип, передававшийся по наследству, – тип упорного в стремлении к наживе, бойкого и хитрого торгаша, готового обмануть родного отца и поступающего по известным мошенническим заповедям: «не зевай», «на то щука в море, чтоб карась не дремал», «не обманешь – не продашь» и так далее. Насколько прочны черты этого типа при известной обстановке, показывает пример самого поэта: одаренный счастливыми способностями, с искрой божией в душе, он, однако, до конца жизни не мог избавиться от привычек, переданных ему по наследству и закрепленных воспитанием. И эта борьба со следами прошлого, этот разлад практики жизни со светлыми идеалами поэзии, жившими в сердце поэта, приносили ему те страдания, которые и превращали часто его скромную жизнь мещанина в грустную трагедию.

Но, во всяком случае, Василий Петрович ко времени рождения сына, незадолго перед тем выделившись из семьи своего отца, был уже человеком достаточным, о чем свидетельствует покупка им дома в лучшей части города, на Дворянской улице, где и увидел божий свет будущий автор «песен». Не раз, вероятно, приходилось отцу поэта, если встречалась надобность, подавать и гильдию, то есть бывать купцом; но это ничего не меняло: он оставался мещанином как по образу жизни и привычкам, так и по платью. В данном случае «мещанство» Кольцовых означало не недостаток средств, а низменность происхождения и положения по отношению к купеческой «аристократии» города.

Отец поэта едва знал грамоту: умел только читать и писать. Но он был человек с умом, с характером самостоятельным и не мягким. Вообще большой ум составлял как бы родовую принадлежность Кольцовых. Природные задатки вместе с суровым характером, не терпевшим противоречий, развились в Василии Петровиче от ранней самостоятельной жизни – так как он почти юношей выделился из семьи своих родителей, – а также и от постоянных удач в торговле. Мать поэта (урожденная Чеботарева) была неграмотна, но красива, – с добрым, мягким сердцем и недюжинным умом. Поэт до конца жизни сохранил теплое чувство к ней, и, может быть, те мягкость и гуманность, с которыми в своих песнях относился он к забитому меньшому брату, к его нуждам и радостям, составляют наследие, полученное от матери, так что и в этом случае при более тщательном

расследовании, вероятно, выяснилась бы благотворность материнского влияния на поэта, как это вообще нередко было со многими талантливыми людьми. Но мягкими чертами только в известной степени сглаживалась та общая суровая сдержанность поэта, которая перешла к нему целиком от отца.

Кольцов являлся старшим, а впоследствии, когда его младший брат, Владимир, умер, единственным сыном Василия Петровича, у которого, кроме того, было несколько дочерей. Это обстоятельство заранее предreshало будущую судьбу поэта как прямого помощника отца, продолжателя его торговых дел и наследника. В этом же факте кроется и причина той нерешительности, которую впоследствии обнаружил поэт в вопросе о том, быть ли ему в Воронеже или уехать в Петербург, куда его звали приятели. Как единственный сын он считал, с одной стороны, своею обязанностью быть поддержкой семье, а с другой, – работал и для себя, будучи единственным наследником отцовского состояния. Как мы сказали выше, ко времени рождения Кольцова отец его был уже человеком достаточным, известным в Воронеже и пользовавшимся большим кредитом. В пору детства поэта Василий Петрович успел породниться с купеческой аристократией; этот факт уже прямо указывает на то, что период мелкого прасольства для него окончился; он выдал свою старшую дочь за Башкирцева, одного из тех родовитых и богатых купцов, ведшего обширную торговлю хлебом, о которых мы говорили. Дом Кольцовых стоял на лучшей городской улице, у них было даже немало своей крепостной прислуги. Читатель при этом извести удивится: каким образом мещанин, сам представитель низшего, податного сословия, мог владеть крепостными? Но это была пора, когда крепостными торговали как товаром: их продавали оптом, в розницу и отдавали «напрокат». Духовные, купцы, чиновники и мещане – все могли владеть крепостными, приобретая их на имя знакомых дворян или откупая у последних на известные сроки. Во всяком случае, из сказанного видно, что детство Кольцова, равно как впоследствии и вся жизнь, прошло в достатке, а не в лишениях и питании впроголодь, как это утверждают страстные панегиристы поэта, мало, однако, знакомые с фактами.

У маленького Алеши была крепостная няня, ходившая, впрочем, и за другими детьми. Тому факту, что у Кольцова, как и у других наших прославившихся поэтов, была няня «из народа», в данном случае не следует придавать особенного, исключительного значения, какое он мог иметь в судьбе баричей-поэтов, знакомившихся с народною жизнью только урывками и оторванных от нее всею обстановкою и привычками. Конечно, рассказы няни, ее сказки и песни могли проникнуть в чуткую душу ребенка-Кольцова и могли найти там отклик. Может быть, в народные обороты, в простой, но чудесный язык его песен вошло что-нибудь из слышанного от няни в детстве, когда так глубоко западают в душу все впечатления; но все-таки для знакомства с народом у Кольцова оказались впоследствии более могущественные средства: он сам с головою окунулся в океан народной жизни; он проводил целые долгие месяцы в деревнях, слышал народную песню в широких привольных степях, слышал и заунывное причитанье пряжи под треск догорающей лучины, слушал не раз вой выги, застигнутый ею в дороге, и завывания голодных волков. Нужно сознаться, что не только у лиц, выступавших на литературное поприще до Кольцова, не было такого опыта и знания народной жизни, такой непосредственной близости к ней, но даже и у позднейших писателей, претендовавших на знание этой жизни, оно встречалось

далеко не часто. И в этом заключается, конечно, одна из причин сильного воздействия поэзии Кольцова на читателей.

Жизнь ребенка-Кольцова ничем не отличалась от жизни детей мещанского круга; на воспитание его обращалось мало внимания, скорее никакого, присмотр был не особенно тщательный: ребенок пользовался свободой, бегал по улицам и, как это обыкновенно водится, простуживался, ушибался и проч. Товарищами детских игр мальчика были младшие сестры его и двоюродный брат. Замечательно, что Кольцов был мальчик хотя и способный, но не бойкий и не живой, а флегматичный, ушедший в себя. Таким он и остался на всю жизнь, хотя под этою спокойною и сдержанною внешностью нередко кипели страсти. Ничто в раннем детстве не указывало на то, что маленький Кольцов будет впоследствии таким прославленным поэтом, — да это открытие, если бы и было сделано, не доставило бы особенного удовольствия домашним.

Когда мальчику исполнилось девять лет, к нему для обучения грамоте пригласили семинариста. Кольцов скоро и недурно приготовился и поступил, минуя приходское, в уездное училище, но был оттуда взят отцом из второго класса, в котором проучился, перейдя из первого, только четыре месяца. На этом ученье Кольцова и окончилось: его знания были совершенно достаточны, по мнению отца, для той роли, к которой сын предназначался. Но, увы, эти знания были ничтожны в глазах любознательного поэта, что обнаружилось перед ним с полною ясностью только тогда, когда уже минувшее трудно было исправить... Впоследствии, несмотря на огромную и страстную жажду знания, жизнь, взявшая в тиски поэта, не дала уже возможности поправить прежних ошибок... Так и остался бедный Кольцов с теми небольшими сведениями, которые приобрел в плохо организованной школе того времени. И что печальнее всего, даже в той области, где так отличился поэт-прасол, в сфере слова, — и здесь недостаточное образование давало себя чувствовать: орфография Кольцова была ужасна, и его произведения совершенно были бы невозможны в печати без самых решительных поправок их в грамматическом отношении.

Вероятно, еще до школы в мальчике проснулись неясно те стремления, которые потом выразились в страстной жажде чтения. Как, под влиянием каких непосредственных причин в человеке вдруг просыпается могучее влечение к миру мыслей и грез, в область «прекрасного», — трудно бывает решить в каждом отдельном случае. Но чтоб это влечение под влиянием того или другого импульса проявилось, человеку необходимо родиться с искрой божией. Немало было в Воронеже детей, чье детство было обставлено во всех отношениях лучше детства Алеши Кольцова, но ни один из них не сделал того, что впоследствии сделал поэт. Едва научившись читать, мальчик страстно отдается книгам: его живое воображение увлекается фантастическими образами сказок, и над произведениями вроде «Бовы» и «Еруслана» он просиживает целые вечера, перечитывая их по нескольку раз; как ни плохи эти аляповатые сказки, но они открывают живому детскому уму такую необъятную область явлений, такую чудную страну вымыслов, что невольно приохочивают к чтению. И в этом, может быть, заключается немалая доля пользы, приносимой на первых порах подобными книжками, окупающая в значительной степени то «обманное» знакомство с фактами жизни, которое они дают. Кольцов настолько пристрастился к книгам, что тратил на них деньги, получаемые от отца на игрушки и лакомства.